

Юрий Попов

ON THE MARCH 1940-41

КОГДА РОДИНА ОТВЕРГАЕТ СЫНОВЕЙ

История выживания за линией фронта

16+

Юрий Попов
Когда Родина отвергает
сыновей. История
выживания за линией фронта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48855477

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-08241-0

Аннотация

Эта книга – исповедь человека, прошедшего через немецкий концлагерь. Героя он из себя не строит. Просто описывает как выживал. Вот это «как» очень трудно себе представить, когда живешь обычной человеческой жизнью. Он говорит о побегах, о жизни в подвешенном состоянии, о побоях, болезнях, голоде, тяжелой работе. Еще о том, как самым вкусным на свете блюдом могла оказаться запеченная свиная шкура с кожевенной фабрики, и о том, как прекрасна казалась жизнь, когда меньше били и было чуть больше еды. А спасли его безумный оптимизм, готовность принять эту жизнь такой как есть и, конечно, удача.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ПРЕДАТЕЛИ	9
Настоящее	14
Ранние годы	16
Няня	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Автор и художник **Юрий Попов**

Транскрипция аудиозаписи **Джуди Блок**

Редактор и переводчик **Владимир Князик**

Корректор **Лев Зелексон**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в июне 1941 года германская армия пересекла границу СССР, я был 18-летним курсантом в офицерской школе Красной армии в Алитусе, в Литве, примерно в 50–60 километрах от границы. Немцы не останавливались. Они пошли дальше и через две недели взяли Минск.

К октябрю они уже были под Москвой, захватив Смоленск, Киев, и первый эшелон могучей Красной армии был полностью разгромлен. Три миллиона офицеров и солдат были взяты в плен. Немецкое верховное командование имело прямой приказ от Гитлера поступать с советскими военнопленными не так, как с французами или англичанами. Советских военнослужащих нужно было уничтожать всеми имеющимися средствами. Комиссаров расстреливать на месте без суда. Эти требования неукоснительно выполнялись, и к середине 1942 года 95 процентов пленных погибло. Немногие спаслись.

Это история одного из счастливицков. Это история выживания за линией фронта в чужой стране с чужим языком, когда родная страна объявила все три миллиона предателями, и немцы должны были нас уничтожить. Чтобы выжить в таких условиях, нужны были силы, смелость, способность принимать решение и вера, что ты проживешь еще день и что Бог тебе поможет.

Я часто смотрю в прошлое, и мне кажется, что что-то или кто-то направлял меня: ситуация развивалась таким образом, что я просто не мог принимать другие решения, и это выстраивало мою жизнь. Вот моя история. Я не претендую на героизм, не искажаю факты, не утаиваю и не преувеличиваю. Я узнал, что в экстремальной ситуации человек превращается в дикое животное с человеческим мозгом и способен на обман, предательство и даже убийство. При этом речь не идет о закоренелом преступнике. Это обычный миролюбивый и законопослушный человек. Но арестуйте его, избейте, бросьте его в лагерь, морите его голодом и бейте каждый день, и если он выживет, то превратится в хитрого дикого зверя.

По профессии я не писатель. Английский для меня не родной, и мне трудно выразить всю степень безнадежности, одиночества и отчаянного страха, что ты ослабнешь и завтра тебе прикажут встать в ту группу с левой стороны и отправят в печь. Это одиночество, несмотря на то что вокруг сотни людей, потому что ты знаешь: никому до тебя нет дела, ты никто, человек без будущего и можешь погибнуть в любой момент. Последнее, что остается, это молиться Богу Всемогущему, чтобы выжить сегодня, выбраться из этого ада и не мучиться, если суждено умереть. Вы удивитесь, как многие из нас молились – комсомольцы, коммунисты, социалисты и все остальные, – тихо, не привлекая внимания других из боязни насмешки. Снаружи мы все были крутые и бесстраш-

ные. Сейчас, вспоминая, это кажется нереальным, как иллюзия чьей-то чужой жизни.

Эта книга посвящена памяти трех миллионов заморенных голодом, замученных, забитых до смерти, расстрелянных, использованных для экспериментов в концентрационных лагерях.

Я хочу поблагодарить мою жену Норму за ее терпение и понимание, сына Гарольда и дочку Маретту за их поддержку и ободрение, зятя Нельсона Хавиера, который всегда был готов помочь, когда требовалось, и наконец последней по списку, но не по значимости я хочу поблагодарить моего друга миссис Джуди Блок, записавшую весь текст на простом английском языке и сделавшую книгу пригодной для чтения. Моя маленькая внучка Мишка Николь будет читать эту историю, когда подрастет, и, я надеюсь, ее поколение никогда не узнает тех ужасов, через которые прошли мы.

Юрий Попов

Февраль 2003 года

ПРЕДАТЕЛИ

В 1942 году Вячеслав Молотов объявил, что у немцев нет советских военнопленных. Есть только предатели, или, на жаргоне коммунистов того времени, враги народа.

Этот термин не был новым. Он годами использовался в России коммунистами как оружие террора. Миллионы людей, объявленных врагами народа, были безжалостно осуждены. Они гарантированно получали или расстрел, или ссылку в лагеря на долгие годы. Их отправляли в теплушках в отдаленные места валить девственный лес или строить что-нибудь огромное типа Беломоро-Балтийского канала. Архипелаг ГУЛАГ рос.

Похоже, что в Кремле не были уверены, что после 24 лет советской власти люди пойдут воевать за своих тиранов. Этот окрик Молотова был адресован не столько пленным, сколько солдатам Красной армии. Это было предупреждение, что ждет их дома, если они попадут к немцам в плен, — расстрел или ссылка в лагерь.

Предателем можно назвать человека, который оказывает помощь или поддержку врагу. Давайте разберемся, как сразу три миллиона русских решили совершить предательство в первые четыре месяца войны. Подавляющее большинство этих людей вообще никому не могли оказать ни помощи, ни поддержки. Они просто вымирали. Исключение составляли

лагерные полицаи, выбранные немцами из толпы заключенных (и которые были хуже самих немцев), и коллаборационисты.

По сути дела, пленные были для немцев обузой. Их нужно было хоть немного кормить. Их нужно было охранять. Нужно было вести отчетность. Немцы скрупулезно все записывают. Для поддержания дисциплины нужно было бить их до полусмерти, часто до смерти.

Сталин готовился к «освободительной» войне с Западом с 1927 года¹. К 1941 году он «освободил» часть Финляндии, Бессарабию, Литву, Латвию, Эстонию и половину Польши. Таким образом с 1939 года советская армия со всем вооружением, военными аэродромами и миллионами людей была размещена вдоль западной границы и подготовлена к «освободительной» войне. Спецвойска, охранявшие западную границу, отошли назад. Перед уходом они перерезали на границе колючую проволоку и убрали все препятствия. Таким образом, Красная армия заняла место на западной границе между Россией и Германией, готовая атаковать.

Гитлер опередил Сталина и атаковал 22 июня 1941 года, и все пошло не так.

Советские войска не были подготовлены к обороне. Их учили только нападать. Фактически в тот момент они вообще не были готовы к каким-либо существенным действиям.

¹ Viktor Suvorov. *Icebreaker: Who Started the Second World War?* Hamish Hamilton, London.

Войска все еще были в процессе размещения на границе, и немецкая атака была неожиданной, разрушительной и быстрой.

Германские танки сразу прорвали фронт. Советская авиация даже не получила шанса вступить в бой. Большая часть самолетов была уничтожена на аэродромах, прежде чем они взлетели. Без прикрытия с воздуха, без подвоза боеприпасов, с оборванной связью, советская армия отступала, чтобы не попасть в плен – именно то, чему ее не учили и к чему она не была готова.

Немцы использовали свою проверенную тактику – клещи. С помощью «пантер», заходящих широкими дугами, они окружали целые армии. Затем подтягивали пехоту и формировали так называемый котел, вырваться из которого было практически невозможно.

Больше всего немецкое верховное командование боялось, что советские войска быстро отступят вглубь страны и займут сильную оборону. Это растянуло бы и сделало уязвимыми немецкие линии снабжения, а также оторвало бы пехоту с обозом на конной тяге от танковых подразделений. Вместо этого советские войска сражались за каждую пядь земли по приказу Сталина и партии, что помогало немцам держать свои войска вместе².

Окруженные советские войска все еще могли бы отступить, прежде чем котлы полностью закрылись. Но они не

² R.H.S.Stolfi. *Hitler's Panzers East*. University of Oklahoma Press, Norman.

отступали, потому что приказ партии был: «Ни шагу назад, удерживать позиции независимо от потерь!» Кроме того, отступающие могли наткнуться на заградотряды под командованием НКВД, которые расстреляли бы каждого посмевшегося отступить или слишком медленно наступавшего.

В результате эти окруженные войска сражались отчаянно, упрямо, героически, без поддержки с воздуха, голодные, без подвоза боеприпасов, пока патроны не кончались, и им приходилось сдаваться. Те немногие, кому удавалось прорваться из окружения, тут же арестовывались, подвергались допросу и расстреливались силами безопасности как предатели и немецкие шпионы.

В начале войны немцам удалось сделать несколько котлов: под Белостоком, Киевом, Вязьмой и другие – каждый принес немцам сотни тысяч пленных. Когда Сталину сказали, что киевский котел еще открыт и несколько армий можно вывести из окружения, он приказал: «Киева не оставлять и мостов не взрывать». Он сказал это, зная, что битва проиграна и что тысячи вооруженных солдат можно сохранить на будущее! Им было запрещено отступить. Они были принесены в жертву! Как смеют называть их предателями!

Вот как они стали предателями, все три миллиона!

На самом деле они оказались **жертвами** сталинского режима. Такими же жертвами, как миллионы политзаключенных, отбывавших срок в лагерях по подложным обвинениям, основанным на признании под пыткой.

Гитлер поставил задачу уничтожать советских военнопленных любыми способами. И вот эти три миллиона солдат и офицеров начали свой последний путь в никуда. Голод, постоянные побои, болезни, тяжелая работа делали дело быстро, и большинство из них погибло.

Я был одним из этих 3,000,000, и дальше будет моя история. Но я оказался «счастливчиком». Я выжил, наверное, за мной присматривал мой ангел-хранитель.

Настоящее

Я сижу в кабинете в своем доме на восточных склонах Силиконовой Долины в Калифорнии, окруженный всяческими статуэтками и резными орнаментами, фотографиями в рамочках всех размеров, китайскими акварелями, русскими иконами, новым компьютером, который вечно ломается, и множеством книг, накопившихся за сорок лет карьеры инженера-конструктора. Одна дверь из кабинета ведет в середину дома, а другая – в мой фантастический сад во дворе. Он полон бонсаями, хорошо сформированными в своих глиняных горшках и стоящими на деревянных полках вдоль стены сада. Я люблю работать тут на воздухе, придавая форму, подрезая, украшая множество крошечных кленов и кустов можжевельника, а затем, обойдя вокруг дома, каждый день подхожу к пруду и кормлю 14 моих больших и прожорливых цветных карпов. В хорошую погоду я остаюсь тут снаружи и дремлю в шезлонге у пруда.

Вокруг мирная жизнь, но я все еще глотаю пищу не разжевывая, как военнопленный, с надеждой еще на один кусочек картошки. Меня все еще мучают жуткие воспоминания, и не хочется об этом говорить. Голод, побои, лютый холод и тиф – все это вторично по сравнению с болью, что тебя отвергла твоя собственная страна. Если бы мы каким-то чудом выжили в заключении и вернулись домой в конце войны, нас

встречали бы не почестями и не наградами – а обвинениями в государственной измене, шпионаже на немцев, послали бы на тяжелые работы, а скорее всего, расстреляли. Некоторые выжившие все равно возвращались домой. Они садились в поезда, шедшие на восток. Вероятно, их вела слепая вера, что они вернутся в свои семьи и как-нибудь переживут несчастья. Другие, такие как я, отказались возвращаться. Тогда начались другие трудности – нужно было избежать попасть в руки своих же русских, надеявшихся выслужиться перед Кремлем и вылавливавших тех, кто был за линией фронта. Черчилль и Рузвельт согласились в Ялте на требование Сталина, чтобы советские солдаты были возвращены домой. Война кончилась, но все равно приходилось убегать и прятаться.

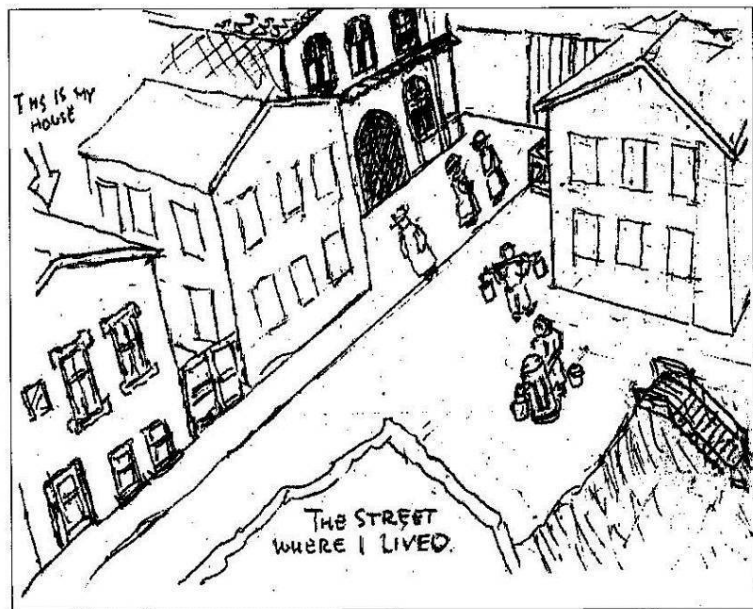
Ранние годы

Впервые я столкнулся со смертью при рождении в шесть утра 2 сентября 1922 года. Моя голова была слишком велика, и я не мог выбраться. Уже были приготовлены инструменты, чтобы разрезать мне голову на куски и спасти мою мать. Ей было 36 лет, и я был у нее первым ребенком. Роды длились уже девять часов, и она совсем обессилела. К счастью, доктор решил попробовать в последний раз. Он ухватился мне за правым ухом и возле левого глаза и потянул со всех сил. И вот он я, раненый, но живой. Мой левый глаз так и остался поврежденным.

Я снова столкнулся со смертью вскоре после рождения. На третий день пребывания в больнице я больше не мог открыть глаза. Позвали частнопрактикующего доктора, и тот сказал, что у моей мамы нет молока. Меня сразу забрали домой и стали кормить козьим молоком. В 1922 году искусственного питания еще не было. Козье молоко и моя любимая няня спасли меня от смерти во второй раз, когда мне не было и недели.

Мой город Горький, сейчас он называется Нижний Новгород, холмистый и живописный прибрежный город в 400 милях на восток от Москвы, стоит на слиянии двух рек – огромной Волги и ее большого извилистого притока Оки. Старый город, расположенный на высоком берегу Волги, изначально-

но был ограничен древним кремлем с высокими стенами и большими прямоугольными каменными башнями. Для меня это была игровая площадка. Мама и папа приводили меня туда, когда я был маленький, и я лазил везде по этим стенам и иногда играл с новыми друзьями в «верю – не верю». Снаружи, за городской стеной, размещались промышленные предприятия. Они расползлись по огромной территории и перемежались там и сям с жилыми районами, в одном из которых, не очень далеко от центра, я и вырос.

До революции все дома на нашей улице, кроме синагоги в самом конце, принадлежали отцу моей мамы. Теперь все они принадлежали гражданам Советского Союза. Наш дом, или, лучше сказать, дом, в котором мы жили, был крепким двухэтажным кирпичным зданием с водопроводом и канализацией, что в те времена было редкой роскошью. Прямо через дорогу, в широком зазоре между домами, стояла большая водяная колонка. Этот маленький плоский кусочек был нашей игровой площадкой, а люди приходили за водой непрерывным потоком.

В дальнем конце площадки была длинная крутая лестница, которая спускалась в промышленную зону. Сердце у меня стучало, когда я впервые рискнул туда пойти и сделал потрясающее открытие – окно в кирпичной стенке, где добрая женщина раздавала поломанные вафли с фабрики стаканчиков для мороженого. Потом, летом, я каждый раз прибежал туда со своим маленьким тряпичным мешочком, наполнял его до краев и бежал обратно домой. Я знал, что лето кончается, когда закрывалось это окошко.

В самом конце нашей улицы, в тупике, стояла синагога, грандиозное кирпичное здание, оштукатуренное и покрашенное в бежевый цвет. С этим местом между нашим домом и синагогой связано большинство моих детских воспоминаний – маленький садик с яблонями и грушами, первоклассный английский спаниель моей мамы, живший в кону-

ре, и еще старый деревянный забор с удобно расположенными дырочками от сучков, через которые мы с моим лучшим другом Левой Слуцким могли наблюдать ритуал, как раввин режет цыплят, принесенных прихожанами синагоги, нужно было только соблюдать абсолютную тишину. Мы все видели и слышали все молитвы.

Няня

В доме все тепло исходило от моей няни. Она посвящала мне все свое время и учила меня смыслу любви. Когда я был маленьким, я редко выходил из ее комнаты. Я крутился у нее под ногами на полу, учился молитве и Символу веры, рассматривал картинки, слушал истории и играл в игры. Она меня любила, и я ее тоже ужасно любил и люблю до сих пор. Я надеюсь, ей жилось хорошо, где бы она ни была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.